

ЕЛИЗАВЕТА СОЛЕР

КНИГА 1

**ДРАКОРИАНЕЦ,
ЗАПЕЧАТЛЁННЫЙ
В СЕРДЦЕ**

18+

Елизавета Солер Дракорианец, запечатленный в сердце

<https://litres.ru/74263497>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла мужа, сына и свой мир. И перестала бояться смерти.

Археолог Белла Бестужева хотела забыться в работе, но древний артефакт перенёс её на другой конец вселенной — на мёртвую планету, кишашую чудовищами. И он пришёл за ней. Капитан звёздного десанта Нигс — альфа с кровью дракона. Его Кровь выбрала Беллу, тело тянется к ней, хвост обвивает без приказа. Но запечатление одностороннее: она не чувствует его, а он привязан навечно.

Она — дремлющее оружие. Нохтрае — кара небесная, уничтожавшая целые планеты. Одна способна разнести корпус флота. Белла — одна из них. И не подозревает об этом.

В империи дракорианцев женщины не воюют. Но Белла хочет стать бойцом. Она сдаёт экзамены, выдерживает психологические атаки, вытаскивающие гибель её семьи на глазах Совета. Марил жаждет уничтожить соперницу. Вейра хочет отнять запечатлённого. Зарк плетёт заговоры.

Они нужны друг другу как воздух. Порознь они рискуют обречь на гибель миллиарды жизней этой галактики.

График выхода: пн, ср, пт.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	27
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елизавета Солер Дракорианец, запечатленный в сердце

Глава 1

Пролог

Знаете, что такое счастье? Когда мир замирает у ваших ног, потому что главное уже случилось. Любимые люди рядом. В душе — коктейль из гармонии и нежности.

В Амазонии утро. Рассвет золотит верхушки деревьев, ветер трогает волосы. Я всегда любила рассвет. Но самое сокровенное — встречать его не одной.

Я поворачиваю голову налево — и воздух кончается.

Он сидит. Мой Игорь. Глаза закрыты, на лице — та самая улыбка, от которой у меня когда-то подкосились колени. Солнце целует его черты. Мой свет.

Протягиваю руку — медленно, как во сне.

Мираж рассеивается. Как дым.

Его нет.

Он обещал: через пять лет мы приедем сюда вместе. Не суждено. Пьяный водитель на скорости сто двадцать влетел в машину моего мужа. Игорь возвращался из садика — с на-

шим сыном. Мальчишкой, который пах молоком и солнцем. Которого больше нет.

Я потеряла всё за одну секунду. Мир исчез. Осталась выжженная земля.

На сороковой день мне приснился сон. Игорь стоял в ослепительном свете, на руках — наш малыш.

— Пообещай, что будешь жить, — сказал он. — На нашу годовщину поезжай к пирамиде. Зайди в третий зал. Нажми символы, как я скажу. Это твоё предназначение. Ты справишься.

Я проснулась с мокрой подушкой.

Сегодня ровно пять лет.

Я вошла внутрь, нашла третий зал. Нажала символы — будто он сам их вырезал.

Стена засветилась ослепительным огнём. Меня подбросило, замотало, бросило вниз. Удар. Боль. Темнота.

Глава 2

Капитану звёздного десанта отряда «Сокрушитель» Фареману Нигсу поступил приказ: зачистить планету Z-25 в системе Гройз. Разведка донесла, что арахниды Зарэ — паукообразные твари, древние как сама тьма, — отложили кладку потомства. Кладку, которая могла за считанные дни превратить цветущий мир в кишачий улей смерти.

Нигс стоял у командирского кресла, вцепившись пальцами в холодный металл подлокотника. За иллюминатором медленно вращался шар планеты — мутно-зелёный, с прожилками болотистых рек и пятнами бурых лесов. Когда-то здесь жили. Дышали. Любили. Теперь — только тишина, нарушаемая шорохом хитиновых лап.

Скелет и кожа арахнидов непробиваемы для обычного оружия. Их панцирь выдерживает прямое попадание из плазменной винтовки. Только лардум — редчайший минерал из недр умирающих звёзд — может раскрошить эту броню.

Но самое страшное открылось позже.

Арахниды размножаются внутри живого носителя. Они нападают на поселения алвитов — мирной расы, чьи города когда-то сияли огнями среди звёзд. Мужчин убивают сразу. Женщинам впрыскивают в брюшную полость через тонкое жало ядовитую смесь из феромонов и личинок. Те развива-

ются стремительно, питаюсь носителем изнутри. Рождаются через три дня. Женщина умирает в конвульсиях, когда десятки маленьких тварей вырываются наружу.

Нигс видел это однажды. Не ел неделю, не спал. А потом всё равно просыпался в поту с криком, который давил подушкой, чтобы не разбудить сослуживцев.

Этого не забыть. Это въедается в душу.

Они прибыли на орбиту Z-25 через два стандартных цикла. Десантники надели «Драконий покров» — броню из древней магии и высоких технологий.

Давным-давно жила великая раса драконов. Но эволюция не щадит никого. Раса вырождалась, и последний истинный дракон умер больше трёх столетий назад. Учёные предков смешали ДНК драконов с нанитами — микроскопическими роботами, способными перестраивать живую материю. Получилась Кровь дракона. Её вводили добровольцам, и она делала их сильнее, быстрее, выносливее. У некоторых пробуждались сверхспособности.

Таких называли квазарами. В отряде «Сокрушитель» служил Лаймус — десять векторов псионических нитей. В одиночку мог разнести крейсер в пыль.

Капитан Нигс когда-то входил в элиту элит. Спецотряд «Коготь» подчинялся только Совету Старших. И Нигс был лучшим.

Пока не случилась она.

Дочь адмирала. Высокомерная, надменная. С совмести-

мостью с Кровью дракона чуть выше тридцати процентов. Она хотела компенсировать низкий статус властью. И захотела его. Просто потому, что он был «в её вкусе».

Нигс отказал. И полетел на должность капитана рядового отряда «Сокрушитель» — туда, где пахнет смертью и нет будущего.

Но была другая. Леа.

Маленькая, хрупкая, с глазами цвета утреннего неба. Она не требовала, не приказывала, не смотрела свысока. Она просто была рядом. Её запах — ваниль и звёздная пыль.

Она выбрала не его. Ушла к Руфусу — тихому, спокойно-му, предсказуемому. Теперь ждёт от него ребёнка.

Нигс не винил её. Только себя. И пустоту внутри.

Чем выше совместимость с Кровью дракона, тем сильнее жажда. Жажда власти, битвы, секса. Предки были невероятно любвеобильны. Их самки — лойты — загадочный народ, рождавший только девочек (у драконов рождались только мальчики). Идеальный баланс.

Но однажды всё рухнуло. По космосу прокатилась таинственная волна, и лойты исчезли. Прямо в воздухе. Провалились в неведомую бездну.

Драконы обыскиали каждый уголок вселенной. Ни следа. Без потомства раса начала вырождаться.

Мы — потомки. Мы больше не станем драконами. Только заимствуем их силу на краткий миг, как воры, пробравшиеся в сокровищницу. Кровь спит в нас, свернувшись в ядре

каждой клетки. Но проснётся ли?

Никто не знает.

— Капитан.

Голос Тарка, помощника и единственного друга, вырвал Нигса из тяжёлых мыслей.

— Мы на орбите.

— Спасибо, что разбудил.

— Ты опять говорил во сне, — грустно улыбнулся Тарк.
— Звал Леа.

Нигс вздрогнул.

— Смирись, — мягко сказал Тарк. — Она выбрала не тебя.

— Я знаю! — Нигс вскочил, отшвырнув кресло. Глаза вспыхнули янтарным. — **НО ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ?** Сила предка хочет её! Не эту...

— Ты о дочери адмирала?

— О ней. — Нигс ударил кулаком в стену. Переборка прогнулась. — Наглая, циничная сука, которая смотрит на людей как на говно. Которая заявила: «Ты ляжешь со мной, потому что я так хочу». Понимаешь? Набор характеристик. Не человек. Вещь. А Леа... — Его голос дрогнул. — Леа была другой. Маленькая. Хрупкая. Пахла ванилью и звёздной пылью. Такая нежная...

— Но её нет, Нигс.

— Значит, останусь один, — глухо сказал капитан. — Но в постель с этой дрянью не лягу.

— Какой же ты упёртый.

— Я альфа, — ответил Нигс с обречённой гордостью. — Не могу быть с той, кого не желаю.

— Какая там обстановка? — Нигс кивнул на иллюминатор.

— Много, — Тарк вывел данные сканирования. — Вся планета кишит.

— Есть живые?

— Нет. Алвиты погибли все.

Нигс помолчал.

— Тогда пора отправлять им «подарочки». Выжечь нижний слой атмосферы дотла. Пусть ни одна личинка не выживет.

И в этот момент система запиликала.

На экране сканирования вспыхнула ярко-синяя точка. Она пульсировала, как живое сердце.

— Что это? — Нигс подался вперёд.

Тарк увеличил изображение.

— Биосигнатура. Женщина.

— Не может быть.

— Разведка ошиблась. — Тарк развернул экран. — Смотри.

Среди красной мёртвой россыпи арахнидов горела одна-единственная синяя искра. Яркая. Чистая. Живая.

— Она чиста, — прошептал Тарк. — Арахниды не добрались до неё. Её тело... как первый снег.

Нигс смотрел на эту синюю точку. И где-то в глубине его существа, там, где спала Кровь дракона, что-то шевельнулось. Потянулось. Заурчало, как огромный зверь, учувший родственную душу.

Он не знал, кто эта женщина. Откуда она взялась на мёртвой планете. Как выжила среди тысяч тварей.

— Спасательную группу живо! — рявкнул Нигс. — Отряд «Сокрушитель», полная боевая готовность! Мы должны спасти хотя бы её.

Он вышел из рубки, на ходу застёгивая «Драконий покров». Броня послушно обтекала тело, синхронизируясь с нервной системой.

Кто ты? — подумал он, глядя на мигающую синюю точку.

Ответа не было. Только тихое, едва уловимое эхо в глубине сознания.

Словно сама судьба усмехнулась и подмигнула ему.

Глава 3

— Они её заметили? — Голос Нигса дрожал. Не от страха — от того почти животного напряжения, когда внутренности скручивает тугой узел. Он впился взглядом в экран сканирования. Синяя точка пульсировала ровно и сильно, как удар сердца. — Отвечай, Тарк.

— Удивительно, но нет. — Помощник покачал головой. — Более того... они бегут оттуда.

— В смысле — бегут? — Капитан не поверил своим ушам. Арахниды? Те самые твари, что не знают страха, лезут на пулемёты, пожирают плазму и становятся только сильнее? Бегут? От одной беззащитной женщины?

— В прямом! — Тарк развернул экран с панорамой разведывательного дрона. — Они перебирают своими восемью конечностями очень быстро. В противоположном от неё направлении. Если я правильно помню зоологию, это и называется «бегством».

— Хватит ерничать! — рявкнул Нигс, хотя в глубине души ощутил холодок. Что-то здесь было не так. Что-то заставляло беспощадных хищников спасаться бегством, словно стайку перепуганных рыбок. — Надо спуститься и выяснить, что происходит. И почему эти твари... боятся.

Слово «боятся» применительно к арахнидам прозвучало почти кощунственно.

Шаттл с основного корабля уже отшвартовался — пилот действовал с той мгновенной реакцией, что отличает лучших. Двигатели взревели, и корабль, похожий на стрекозу с бронированными боками, направился к планете Z-25.

Нигс стоял у иллюминатора, вцепившись в поручень. Костяшки побелели. Он молился предкам — тем, чья кровь текла в его жилах.

«Уберегите её», — повторял он про себя, как мантру.

Они столько раз пытались спасти тех, на кого напали арахниды. Лишь одну планету из трёх удавалось спасти. Две трети — смерть, пустота. Никто не знал, откуда пришли эти твари. Они просто появились — будто космос выплюнул их из самой тёмной своей глубины, — и начали размножаться. Стремительно, как опухоль. Уже десятки планет превратились в безжизненные пустыни, покрытые паутиной и хитиновыми оболочками.

Но эта... эта была жива.

— Крохта мне на закуску! — выругался пилот, резко дёрнув штурвал. Шаттл качнуло, аварийные огни моргнули алым. — Что там происходит?

— Датчики энергии зашкаливают! — Пилот ткнул пальцем в панель, где шкалы бились в красной зоне, а приборы издавали раздирающий уши писк. — Покажи координаты! Быстро!

На голографической карте вспыхнула синяя точка. Но теперь вокруг неё пульсировало алое кольцо — словно планета

билась в конвульсиях.

— Мы направляемся в эпицентр аномалии, — прорычал пилот, стиснув зубы. — Держитесь, ребята. Будет трясти.

Он направил шаттл вниз, в плотные слои атмосферы. Корабль задрожал, застонал, как живое существо.

Когда они приблизились к скале — массивной, чёрной, прорезанной глубокими трещинами, — Нигс не поверил своим глазам.

У подножия зиял вход в пещеру. И оттуда вырывалось нечто.

Арахниды неслись прочь. Тысячи хитиновых тел, переливающихся маслянистой чернотой, катились по равнине грязной волной. Они давили друг друга, карабкались по спинам сородичей, бросали раненых. Их конечности скрежетали по камням, оставляя глубокие борозды. Они бежали.

— Чёрт возьми... — выдохнул Тарк. — Это стая. Целая стая.

Но не это было самым страшным.

Над пещерой кружился вихрь. Он не походил ни на одно природное явление: колодец из чистой энергии, мерцающий всеми оттенками синего и фиолетового, словно кто-то распахнул портал в сердце звезды. Из него били молнии — тонкие, как иглы, ослепительно-белые. Они пронзали воздух с жутким свистом и вонзались в арахнидов. И те превращались в прах. Мгновенно. Бесследно.

Нигс видел, как один из штурмовиков — тварь размером

с небольшой танк — попал под разряд. Секунда — и лишь горстка пепла, развеянная ветром.

— Твою мать... — прошептал кто-то из десантников.

Но среди этих тварей были и другие. Синие. Не тёмно-серые, как все привыкли, а ярко-синие, с переливающейся чешуёй, похожей на драгоценные камни. Дезинсекторы — элита арахнидов. Те, кто командовал штурмовиками, координировал атаки, был разумнее и опаснее в сотни раз.

Они не бежали. Они бросались на вихрь. Прямо в молнии. Прямо в смерть.

— Что они делают? — прошептал Тарк, побледнев.

— Ищут что-то, — медленно произнёс Нигс. — Или кого-то. Там, за этой завесой, находится нечто, что им нужно. Жизненно необходимо. Но то же самое нечто пугает их до такого животного ужаса, что они бросаются в пламя.

Он замолчал.

— Они идут на верную смерть, — закончил Тарк. — Потому что то, что внутри, страшнее смерти.

Шаттл приземлился на небольшом плато в сотне метров от пещеры. Аппарели с шипением опустились, выпуская облачка перегретого пара.

— Выгружаемся! — рявкнул Нигс, натягивая шлем. Голос в усилителе прозвучал как раскат грома. — Всех уничтожить! Ни одна тварь не должна выжить!

Десант выпрыгнул из шаттла — десять фигур в «Драконьем покрове», чёрные, хищные. Оружие на изготовку. Дат-

чики сканируют местность на километр вокруг.

Нигс повёл их в бой.

Арахниды не сопротивлялись. Они просто бежали, подставляя спины под пули.

Нигс вжал приклад пулемёта в плечо. «Драконий покров» глухо завибрировал — система активной компенсации отдачи работала на пределе. Первая очередь ударила в спину ближайшему штурмовику. Отдача толкнула в грудь, коротко и сильно, словно кто-то ударил кулаком по броне.

Хитин брызнул осколками. Чёрная слизь забрызгала камни.

Десантники косили их сотнями. Крупнокалиберные пулемёты плевались лардумовыми сердечниками. Каждый выстрел разрывал броню, каждая пуля оставляла фонтан чёрной слизи. Грохот стоял такой, что закладывало уши даже через шлемофон. Воздух пах озоном, кордитом и сладковатой гнилью арахнидской крови.

Под броней стало душно. По спине текла струйка пота. Нигс стиснул челюсти и продолжал стрелять.

Серые штурмовики падали как подкошенные.

Синие дезинсекторы оказались умнее. Они заметили десант почти сразу. Синхронно развернулись — десять тварей, покрытых чешуёй, — и бросились в атаку.

Нигс впервые видел их так близко. Реальность оказалась хуже записей.

Туловище паука — размером с легковой транспорт, по-

крытое хитиновыми пластинами. Но вместо головы... половина человеческого торса. Дракорианца, понял Нигс с тошнотворным холодком. Руки — две мощные конечности с клешнями, способными разрубить броню «Драконьего покрова» как бумагу. Лица — белые, как мрамор. Глаза закрыты всегда, у всех особей этого вида. Словно они слепы. Словно им не нужны глаза — они видели иначе.

Но сейчас всё было по-другому. Их кожа имела грязно-зелёный оттенок трупa, пролежавшего в воде неделю. А запах ударил в ноздри даже сквозь фильтры шлема.

— Меня сейчас вырвет! — прохрипел один из солдат. — Что это за вонь?!

Нигс тоже чувствовал. Сладковатый, приторный запах разлагающегося мяса с примесью горелой плоти, озона и... страха. Страхa, который эти твари источали, как пот.

— Терпи! — рявкнул капитан. — Их осталось мало. Перебьём — и на шаттл!

Он переключил пулемёт на короткие очереди, чтобы не перегреть ствол.

Один из десантников, новичок, слишком увлёкся стрельбой. Синий дезинсектор двигался бесшумно, скользя по камням, как призрак. Клешня уже занеслась для удара.

Нигс хотел закричать, но не успел.

Новичок каким-то чудом откатился — инстинкты сработали быстрее разума, — лезвие лишь чиркнуло по броне. Искры брызнули, и по металлу прошла вибрация — короткая,

резкая, как зубная боль.

Тарк выстрелил. Длинная очередь — прямо в голову твари. Дезинсектор дёрнулся — пули ушли в сторону, срывая куски чешуи, но не пробивая броню. Тарк выстрелил снова — в основание клешни. Тварь взвизгнула пронзительно, как кипящий чайник, — конечность повисла на сухожилиях. Второй выстрел — в сочленение челюстей. Огромные челюсти с противным хрустом отвалились и забились в пыли. Третий — в нижнюю часть туловища.

Дезинсектор рухнул.

А потом случилось нечто, от чего у Нигса кровь застыла в жилах.

Та часть тела, которая была «человеческой» — торс с руками и головой, — отделилась от паучьего туловища. Она жила своей жизнью. Она дышала. Хрипела.

— Пожалуйста... — прохрипело существо. В его голосе не было угрозы — только боль. Глубокая, нечеловеческая боль. — Убейте...

— Оно говорит?! — выпучил глаза новичок.

Нигс подошёл ближе. Скривился от запаха. Существо лежало на боку, грудь ходила ходуном, мутные белые глаза смотрели в никуда. Оно умирало. Медленно. Мучительно.

— Скажи, кто ты, — сказал Нигс. — И я убью тебя. Откажешься — оставлю здесь. Будешь умирать долго.

Существо содрогнулось. Синие, потрескавшиеся губы зашевелились:

— Мы... ошиблись... Неверные расчёты... Ошибка...

— Кто ошибся? В чём?

— Система Унтера... Планета J46... Остановить распространение... Гнездо...

Тарк побледнел так, что даже сквозь смуглую кожу проступила бледность.

— Система Унтера? Планета J46? Но она непригодна для жизни. Звезда погасла три тысячи лет назад. Там просто кладбище.

— Защити... — прохрипело существо. — Спаси дитя из начальных... Дитя — ключ к победе...

Его тело выгнулось в последней судороге. Глаза закатились. Плоть начала разлагаться с неестественной быстротой. Через минуту — только горстка пепла и чёрная вонючая лужа.

— Изначальные? — Нигс повернулся к отряду. — Это кто?

— На лекциях в академии надо было слушать, капитан, — раздался спокойный голос.

Нигс обернулся. К ним подошёл Лэрас — доктор крейсера «Сокрушитель». Невысокий, щуплый, с вечно взъерошенными рыжими волосами и внимательными зелёными глазами. Он не носил боевой брони — только лёгкий скафандр и белый медицинский плащ. Но держался так, словно пули и клешни были ему нипочём.

— Ну, просвети меня, гениальный выпускник, — сказал

Нигс. — Кто такие изначальные?

Лэрас подошёл к пеплу, склонился, изучил останки. Выпрямился, снял очки, протёр о край плаща.

— Изначальные — те, кто зародил жизнь на наших планетах. Они использовали свою ДНК как основу для создания наших предков. Можно сказать... наши боги. Создатели.

— И где они сейчас? — спросил Нигс. — Если такие всемогущие, почему не придут и не разберутся с этой заразой?

— Никто не знает, — пожал плечами Лэрас. — Они исчезли десятки тысяч лет назад.

— Что, так взяли и исчезли? Даже записки не оставили?

— Не оставили. — В голосе Лэраса прозвучала обида. — Только несколько полуразрушенных храмов и обрывки легенд.

— Какие-то неправильные боги, — проворчал Нигс. — Ладно, пошли.

Десант двинулся к пещере. Арахниды рассеялись, уползая в холмы. Небо над пещерой продолжало полыхать — вихрь никуда не делся, но молнии стали реже, гул — тише. Буря успокаивалась.

Они подошли к завесе. Мерцающая, полупрозрачная, похожая на северное сияние, запёртое в тесном пространстве. Нигс остановился в трёх метрах.

— У кого есть идеи, как пройти?

И в этот момент над ними раздался голос. Громогласный. Древний. Такой глубокий, что звучал не снаружи, а внутри

черепа.

— Кто такой? Как смеешь беспокоить спящую?

Нигс вздрогнул. Тарк побледнел ещё сильнее, Лэрас, наоборот, застыл с восторженным благоговением на лице.

— Это ещё кто? — огляделся Нигс. — Сначала изначальные, теперь спящая. У вас тут день загадок?

— Кто такой? — снова прогремел голос. Молния ударила под ноги капитана. Земля вздыбилась, камни брызнули в стороны.

— Твою мать! — Нигс отскочил. — Ты меня чуть не поджарил!

Тишина. И ощущение, что кто-то огромный и древний смотрит на него сверху вниз.

Нигс выдохнул, выпрямился.

— Меня зовут Фареман Нигс. Я капитан звёздного десанта отряда «Сокрушитель». За этой преградой — выжившая. Женщина. Мы пришли её спасти.

Молчание. Долгое.

— Спасти, говоришь... А достоин ли ты, Фареман Нигс?

— Не знаю, — честно ответил капитан. — Но девушку в беде не брошу. Она одна на мёртвой, кишасей тварями планете. Если не спасём — умрёт. Мы с добрыми намерениями.

— С благими намерениями... — Голос почти засмеялся. Устало. Тысячелетняя усталость существа, видевшего слишком много «благих намерений», приведших к крови и пеплу. — Что ж, ты можешь войти. Забрать спящую. Но помни: ты

обязан оберегать её. Пока не освоится в вашем мире.

— В каком смысле — освоится?

— Дитя пришло издалека. Из земель, куда вам путь закрыт.

Лэрас охнул. Лицо его побелело.

— Запретные земли... — прошептал он. — Она из запретного мира?

— Да.

— Мы путешествуем между системами через червоточины, — объяснил Лэрас дрожащим голосом. — Портал, оставленный изначальными. Но есть системы, запечатанные неизвестными нам кодами. Запретные. Никто никогда не был там. И никто оттуда никогда не приходил.

— Как же она оказалась здесь? — нахмурился Тарк.

— Аварийная система переброса, — ответил голос. — Дитя набрало комбинацию экстренного переброса. Случайно. Или не случайно. Кто знает волю изначальных?

Нигс стоял, переваривая услышанное.

— Готов ли ты, Фареман Нигс? — голос звучал спокойно, но слышалась сталь. — Взять ответственность за чужую жизнь? Это дитя невероятно важно. Если войдёшь — станешь её хранителем. Обратного пути не будет.

— А если откажусь? — голос дрогнул.

— Погружу дитя в стазис. Законсервирую пещеру. И буду ждать нового кандидата.

— И долго?

— Столько, сколько потребуется. Год. Десять лет. Век. А может, тысячу.

Нигс закрыл глаза.

Леа. Её взгляд, когда она уходила к Руфусу. Даже не взгляд — пустота.

Та самая, что жила в его груди третий год.

Он думал, что навсегда останется один.

Но сейчас судьба предлагала другой путь. Не любовь. Подопечная. Та, о ком можно заботиться. Кто заполнит тишину в пустом отсеке.

— Не могу уйти, — выдохнул он, открывая глаза. — Бросить на произвол судьбы — не смогу. Пусть будет утешение. Подопечная, которую буду оберегать.

Он шагнул к завесе.

— Открывай проход. Я иду к ней.

— Запомни, Фареман Нигс. Ты сделал выбор. Она — твоё будущее. Береги её. Ибо если с ней что-то случится... ты потеряешь не просто подопечную. Ты потеряешь надежду всего своего народа.

Завеса разошлась с шорохом, похожим на вздох.

Нигс шагнул внутрь и замер.

Пещера оказалась храмом. Своды уходили во тьму, стены покрывали барельефы — драконы, звёзды, женщины с распростёртыми крыльями. В воздухе пахло древностью и... чем-то сладким. Живым. Пахло ею.

Она лежала на полу там, где когда-то был алтарь. Свёрну-

тая калачиком, как дитя в утробе. Чёрные волосы разметались по камню, как шёлк. Кожа бледная, почти прозрачная, с голубоватым отливом. Глаза закрыты, ресницы трепещут — она видит сон. Странная одежда из незнакомого материала, тонкая ткань, вся в пыли и копоти. Она была миниатюрной. Хрупкой. Нежной.

Нигс стоял и смотрел. Где-то в глубине сознания Кровь дракона заурчала довольно. Не как зверь, учуявший добычу, — как зверь, нашедший дом.

Он наклонился, протянул руку — закованную в броню, — и осторожно коснулся её плеча. Она была тёплой. Живой.

— Ты в порядке? — спросил он охрипшим шёпотом.

Она зашевелилась, поморщилась, будто её оторвали от самого сладкого сна. Открыла глаза — и Нигс утонул. Тёмные, бездонные, как грозовое небо. А в глубине горели золотые искры. Губы шевельнулись, и она произнесла что-то на незнакомом языке. Но звуки были странно знакомыми. Будто жили в его памяти с рождения.

— Не понимаю, — прошептал он. — Ты говоришь на чужом языке.

Она не ответила. Только посмотрела — страх, надежда, растерянность.

Нигс выругался про себя. Потом сказал скорее себе, чем ей:

— Ладно. Разберёмся.

Резко, неловко — потому что не привык обращаться с

хрупкими существами, — подхватил её на плечо. Она оказалась пугающе лёгкой. Почти невесомой. Как птица со сло-
манным крылом.

Она пискнула возмущённо, но не сопротивлялась. Маленькие горячие пальцы вцепились в его броню. Сквозь нее он вдруг отчётливо почувствовал её жар — живой, почти ли-
хорадочный.

А потом — дрожь. Мелкую, частую, от которой затряслось
и его собственное тело.

— Испугалась... — рыкнул он себе под нос, шагая к вы-
ходу.

На выходе его встретили удивлённые взгляды десантни-
ков. Тарк открыл рот, но передумал спрашивать. Только по-
качал головой.

Нигс вышел на свет. Вихрь над пещерой успокоился —
осталось лишь лёгкое мерцание, похожее на далёкие сполохи
северного сияния.

— Всё, — сказал он своим. — Идём на шаттл. У нас те-
перь подопечная. И не забудьте, как будем на борту крейсе-
ра, отправить этим тварям подарок, пусть горят заживо!

Он нёс её к кораблю. Чувствовал, как её тепло проника-
ет сквозь броню, как её запах — сладкий, цветочный, невоз-
можный среди этой смерти и пепла — заполняет лёгкие.

Что я делаю? — подумал он. Ответа не было. Только ти-
хое, уверенное: «Правильно».

Глава 4

Я очнулась с трудом, словно выбираясь из бездонной чёрной ямы. Голова раскалывалась — каждый удар сердца отдавался тупой болью в висках. Глаза жгло — даже тусклый свет казался ослепительным. Во рту пересохло, язык прилипал к нёбу. Живот скрутило от голода — до тошноты, до звериного оскала.

Когда я последний раз нормально ела?

Память подсовывала обрывки: чёрствый хлеб без вкуса, чёрный кофе из лени. Всё слилось в один бесконечный серый день. Только существование.

После смерти Игоря я махнула на всё рукой. Перестала носить юбки и каблуки — смотреть некому. Перестала краситься — кому нужна раскрашенная кукла, если внутри пустота? Зеркало в прихожей завесила тряпкой. Та, кто смотрела оттуда — с потухшими глазами, серой кожей, небрежным хвостом, — была не мной. Оболочкой. Призраком, который забыл, что умер.

Зато в спортзале я стала частым гостем. Я пошла на тхэквондо ещё при жизни Игоря. А когда он умер, я тренировалась до кровавых мозолей, до трещин в костяшках. Мастер говорил: «Ты себя убиваешь». Я не слышала. Потому что в тишине я слышала его голос и смех сына. Я получила красный пояс. Мастер сказал, что никогда не видел такой воли.

Я молчала.

Это стало моим спасением. Я стала выносливой, быстрой. И неплохо дралась. Однажды трое парней попытались меня изнасиловать. Они думали, я слабая, но ошиблись. Я пересчитала им рёбра, добавила по ногам. Ни страха. Ни жалости. Ничего.

Честно говоря, я озлобилась. Стала чёрствой и бездушной. Чужая боль казалась фальшивкой — свою я носила такую, что другую уже не потяну. Я похоронила себя вместе с семьёй. Год назад. В тот день, когда мне позвонили из морга: «Придите опознать тела». Я пришла. Смотрела на них — на Игоря, на Сашу — и не узнавала. Белые, как мрамор. Холодные. Пустые.

С тех пор я — просто оболочка без души. Функционирующий организм, который ест, спит, дышит. Но не живёт.

И вот сейчас, открывая глаза в каком-то странном месте, напоминающем гроб с прозрачной крышкой, я не заорала. Не испугалась. Мне было всё равно.

Наверное, я уже умерла, — подумала равнодушно. — Морг. Крематорий. Какая разница.

Всё вокруг было белым и стерильным. Где-то за стеной мерно гудели механизмы. Воздух пах озоном и металлом. Я лежала на чём-то твёрдом, но мягком — словно на пене, принявшей форму тела. Сквозь прозрачную крышку виднелся высокий сводчатый потолок с мигающими огоньками.

Станный морг, — мелькнуло вяло.

А потом я услышала голоса.

— Она очнулась?

Голос раздался справа. Глубокий, низкий, с хрипотцой, которая придавала ему почти интимную нотку.

— Не знаю, — ответил второй — мягкий, тёплый, обволакивающий. — Недавно проверял — спала.

Я медленно повернула голову. Слева мигал зелёный кружок. Я протянула руку — пальцы дрожали, слабые, как у котёнка, — коснулась.

Крышка открылась с тихим шипением. В лицо пахнуло свежим воздухом. Я жадно вдохнула.

Я села. Кряхтя, как старая бабка, опираясь о края капсулы. Всё тело болело — каждая мышца, каждый сустав.

— Я не сплю, — произнесла я хрипло. — Где я? И кто вы?

Я говорила на русском — и вдруг поняла, что они меня понимают. Переводчики. Телепатия. Или чёрт его знает.

Я повернула голову — и встретила с обладателем первого голоса.

Мир замер.

Полминуты я просто смотрела в его глаза. Янтарные, тёплые, с крапинками золота в глубине. Они светились изнутри — не буквально, но казалось, там горит маленькое вечное пламя. В этих глазах можно было утонуть. Забыть, кто ты и как тебя зовут.

А потом я начала его изучать. Бесцеремонно, как археолог древнюю статую.

Высокий — за метр девяносто, на голову или две выше меня. Коротко стриженный брюнет с чёлкой, уложенной вверх — небрежно, но чертовски сексуально. Кожа смуглая, золотистая. Черты лица резкие, хищные, но не портили, а придавали опасную красоту. Густые тёмные брови с красивым надломом. Миндалевидные глаза с длинными ресницами. Прямой благородный нос. Чувственные губы — полные, мягкие.

Завершал картину небольшая бородка с усами — ухоженная, аккуратная, превращавшая его образ из просто красивого в по-настоящему мужской, властный.

Он стоял расслабленно, но в этой расслабленности чувствовалась сталь. Крепкая шея, мощные плечи, узкая талия, прокачанные мышцы. Шесть кубиков пресса. Чёрные штаны с множеством карманов — утилитарные, военные. Брюки не скрывали, а скорее подчёркивали то, что находилось ниже пояса. У любой женщины пересохло бы во рту.

Длинные сильные ноги, штаны заправлены в чёрные берцы, начищенные до блеска. Его поза — ноги широко расставлены, спина прямая, руки за спиной — кричала: военный. Выправка, вьёвшаяся в подкорку.

Я перевела взгляд на второго.

Если первый был воплощением дикой, первобытной силы, то второй напоминал тёплый плед и чашку какао. Ниже на голову — метр семьдесят пять. Слегка выющиеся каштановые волосы с золотистыми прожилками падали на лоб мягкой чёлкой. Лицо круглое, с ямочками на щеках. Пря-

мой, чуть вздёрнутый нос придавал задорное выражение. Губы немного полные, розоватые. На нём был бежевый комбинезон с медицинской эмблемой на вороте — чаша со змеей, но незнакомой.

Доктор, — догадалась я.

— Ты на борту звёздного крейсера «TR-126», — произнёс первый мужчина. Его голос звучал ровно, официально, но в нём чувствовалась заинтересованность.

Он шагнул ближе. Я невольно вжалась в стенку капсулы — не от страха, от того, что его энергия заполняла всё пространство.

— Меня зовут Фареман Нигс. Я капитан отряда звёздного десанта «Сокрушитель». Мы нашли тебя на планете Z-25. Она была атакована арахнидами. Ты — единственная выжившая. — Его янтарные глаза сузились, впиваясь в моё лицо. — Что ты делала на этой планете?

Я выдохнула. *Капитан. Звёздный десант. Арахниды.* Звучало как фантастика. Но я сидела в прозрачной капсуле на космическом корабле. И передо мной стоял мужчина, которого не создала бы ни одна земная фантазия.

— Приятно познакомиться, капитан Нигс, — сказала я ровно. — Меня зовут Бестужева Изабелла. Тридцать пять лет. Археолог. Как попала на планету Z-25 — не имею понятия. Буквально недавно я жила на Земле.

— Земля? — подал голос второй. — Никогда о такой не слышал. Можешь дать координаты?

— Нет. Знаю только, что она в галактике Млечный Путь, в Солнечной системе. Третья планета от солнца.

Нигс повернулся к доктору:

— Лэрас, ты что-нибудь знаешь?

Лэрас нахмурился, погладил подбородок:

— Впервые слышу. Проверю по базам.

— Простите, ребята, — выдохнула я, чувствуя усталость, — больше ничем не могу помочь. Ну что, куда мне идти?

— В смысле? — Лэрас странно покосился на меня.

— Ну, — я пожала плечами, стараясь казаться равнодушной, — вы будете меня изучать. Резать. Колоть. Или сначала допросите, а потом в лабораторию? Может, просто убьёте и выбросите в космос? — Я посмотрела на Нигса. — Сами отведёте или я сама дойду?

Нигс коротко, безрадостно рассмеялся.

— Странная ты. Зачем нам было тебя спасти, чтобы убить или препарировать? Мы не чудовища, Изабелла.

— Ну, — усмехнулась я горько, — я всю жизнь думала, что пришельцы именно так и поступают. Наши бы военные и учёные уж точно так сделали.

— У вас настолько жестокая цивилизация? — Лэрас выглядел потрясённым. — И почему ты одна? У вас женщины без охраны разгуливают?

— Они своих не жалеют, куда уж до чужих... — Я замолчала. — Почему одна, спрашиваете?

— Да.

— У вас что, женщины под конвоем ходят? В рабстве?

— Ты что несёшь? — Нигс нахмурился. — Женщина — источник жизни. Она бесценна, потому что способна создать новую жизнь. — Он говорил как прописную истину. — Мало какая женщина способна родить ребёнка чистокровному дракорианцу. А способных зачать от альфы — ещё меньше. Поэтому мы бережём своих женщин. Охраняем. Лелеем. Они — наше будущее.

— Серьёзно? — выдохнула я. — Так бывает?

— Что ты имеешь в виду? — Лэрас напрягся.

Я помолчала. Собрала остатки мужества.

— Там, откуда я родом, женщина особой ценности не представляет. Способность к деторождению — само собой разумеющееся. Никто не носит с нами. Мы предоставлены себе. Работаем по шестьдесят часов в неделю — и это считаем удачей. Женщина может быть военным, пилотом, врачом, инженером, политиком. Она может всё.

Я перевела дыхание.

— Для этого главное — неудачно выйти замуж. Чтобы потом выживать в одиночку с ребёнком. Потому что мужчина, который клялся в любви, вдруг исчезает. Или пьёт. Или бьёт.

— У вас настолько плохо с мужчинами? — спросил Лэрас с искренней болью в голосе.

— Нет. Мужчин хватает. Просто... они не хотят нести ответственность. Женщина в моём мире — расходный материал. — Я усмехнулась криво. — Наши мужчины могут из-

бить, изнасиловать, продать в бордель. Могут избить беременную — даже если это его собственный ребёнок. — Мой голос дрогнул. — С каждым поколением мужчины вырождаются.

Я замолчала, собираясь с силами.

— На моей планете сейчас две тысячи двадцать четвёртый год. В сорок первом году прошлого столетия на нас обрушилась война. Погибло свыше двадцати пяти миллионов человек. — Я посмотрела на них — на двух чужих мужчин, которые смотрели на меня с ужасом. — Нас преднамеренно истребляли. Генофонд испорчен. Мальчишек воспитывали женщины — баловали, залюбливали, потому что больше было некому. И теперь многие считают, что жена — это вторая мать. Которая должна любить, терпеть и ничего не просить взамен. А хочется быть любимой. Желанной. Под защитой.

Мой голос сорвался.

— Я нашла себе настоящего мужчину, — прошептала я. — С ним я чувствовала себя желанной и любимой. Под его опекой стала беззаботной, слабой. Просто верила ему. Любила сильно. И сына ему родила. Александр. Красивый, ласковый, тёплый, как солнышко. Был так похож на отца...

— Почему «был»? — спросил Нигс тихо, почти шёпотом.

— Умер, — выдохнула я. — Вместе с отцом. Пьяный урод врезался в них. Оставили меня одну.

И тут меня сорвало.

Воспоминания о сыне — его маленькие тёплые ладошки,

звонкий смех, его «мамочка, я тебя люблю». Воспоминания о муже — его улыбка, его руки, его «всё будет хорошо, я с тобой». Всё это уничтожило меня.

Я разрыдалась навзрыд, как раненый зверь. Выла. Кричала. Меня трясло. Я сжалась в комок, обхватив себя руками, и качалась взад-вперёд, как безумная.

— Тише, малышка...

Я не поняла, когда он оказался рядом.

Сильные руки прижали меня к крепкой груди. Я чувствовала тепло его тела даже сквозь броню. Чувствовала, как его сердце бьётся ровно, уверенно, как маяк в бушующем море. Он убаюкивал меня — медленно, осторожно, словно ребёнка. И что-то шептал низким утробным голосом. Я не разбирала слов. Но смысл был ясен: *«Я здесь. Ты не одна. Всё будет хорошо»*.

— Тише, — повторил он. — Больше никто тебя не обидит. И одна ты не будешь. Я не позволю. — Его рука гладила мои волосы — неловко, неумело, как человек, который не привык к нежности, но старается изо всех сил. — Теперь я — твоя семья.

Я подняла голову. Сквозь пелену слёз видела его лицо — янтарные глаза, ставшие мягкими, почти тёплыми. В них не было жалости — только принятие. Словно он решил что-то важное. Словно поставил точку в долгом споре с самим собой.

«Я обещаю. Я буду тебя беречь. Ты больше не одна».

Я уткнулась лицом в его грудь и зарыдала снова — но теперь в этих слезах была не только боль. Было облегчение. Была надежда. И был страх, что это сон. Что я проснусь в пустой квартире, на холодной постели, и опять буду смотреть в потолок.

Но его руки не исчезали. Его тепло не уходило.

— Я здесь, — прошептал он. — Я здесь, Изабелла.

И в первый раз за год мне показалось, что, возможно, жить дальше — не самая плохая идея.

Глава 5

Нигс не мог понять, почему сила предка отреагировала на её страх.

Это не было раздражением — тем острым, колючим чувством, когда слабый мешает выполнять задание. Не было и злостью — глухой яростью, которая поднималась при виде арахнидов.

Это была печаль.

Глубокая, тысячелетняя печаль, жившая в основе его ДНК. Печаль по тем, кто потерян. По тем, кто одинок. По той, кто плачет в темноте, и никто не слышит.

Сила предка чувствовала её. Словно она была частью чего-то давно утерянного. Словно её боль отзывалась эхом в его костях.

Когда он поднимал её в пещере — такую маленькую, свёрнутую калачиком, — Нигс ужаснулся. Её лёгкость обожгла сильнее удара током. Она весила не больше подростка. Хрупкая. Почти невесомая. Он мог бы сломать её одной рукой. Нечаянно. Не желая того.

Как такую вообще оставили без присмотра? — подумал он с глухим раздражением — не на неё, на тех, кто не уберёг.

Ответа не было. Только её тихое дыхание. Только её запах — сладкий, цветочный, невозможный среди пепла и смерти, — который проникал в лёгкие и оставался там.

Когда капитан вынёс её на поверхность, свет заходящего солнца упал на её лицо. И она открыла глаза.

Нигс замер. Всё, что имело значение, — её взгляд.

Огромные серые глаза, как грозовое небо перед бурей. В них было всё: страх — животный, первобытный; удивление — чистое, детское; и тихое восхищение, от которого у него перехватило дыхание.

Его сердце пропустило удар. А потом сделало ещё один — глубже, сильнее.

Драконья кровь взревела. Не агрессивно — защищая. Она требовала: *«Спаси. Укрой. Не дай в обиду»*. Она видела в этой женщине не чужую — свою.

А затем её лицо исказила гримаса боли. Она схватилась за виски, пальцы впились в кожу так, что побелели костяшки. Глаза закатились, тело выгнулось — и снова обмякло.

— Чёрт! — выругался Нигс, прижимая её крепче. — Быстрее к шаттлу!

На борту вся команда смотрела на девушку в руках капитана. Солдаты — выдавшие виды мужчины — сейчас глядели с выражением, которого Нигс не замечал давно.

Состраданием.

— Как она выглядит? — шёпотом спросил один.

— Хрупкая. Бледная. Красивая, — ответил другой. — Но выглядит так, будто уже умерла. Только дышит.

Один из солдат, высокий блондин, решил поправить её волосы, которые подметали пол. Шагнул ближе...

И в ту же секунду его руку обхватил и сжал хвост Нигса. Сильно. Грубо. Ещё чуть-чуть — и кости хрустнули бы.

По отсеку прокатился предупреждающий рык — низкий, утробный, заставивший всех замереть. Солдаты застыли статуями. Даже пилот обернулся.

Нигс не понимал, как это произошло. Он не призывал хвост. Тело действовало само — быстрее мысли.

— Хм... — Солдат осторожно потянул руку. Хвост сжал сильнее. На лице блондина расцвела понимающая улыбка. — Ого! У кого-то проснулись отцовские инстинкты.

— Если бы у него проснулись отцовские инстинкты, — раздался спокойный голос Лэраса, — ты был бы уже трупом. — Доктор подошёл ближе, скрестив руки на груди. — А это — инстинкт защитника. Сила предка приняла девчонку. Будто он для неё... дядя или брат.

Он повернулся к Нигсу, заглянул в глаза:

— Ты это сам понял?

— Нет... — Голос капитана прозвучал хрипло, неуверенно. — Это сделал не я. Я даже не чувствовал.

— Что ж, — Лэрас усмехнулся без насмешки, — в твоей семье пополнение. Драконья кровь всё решила за тебя. И тебе стоит к ней прислушаться.

Он понизил голос:

— Если не ты будешь её оберегать — это сделает кровь предков. Только, в отличие от тебя, она не будет разбирать, «свой» или «чужой». Угроза есть угроза.

— Я лучше любого знаю, на что способна кровь дракона,
— огрызнулся Нигс.

— Тогда не тупи, — мягко сказал доктор. — По возвращении оформляй опекунство. Ты теперь её хранитель. Совет Старших не любит, когда теряют женщин.

Нигс хотел ответить, но в этот момент девушка завопилась у него на руках. Её лицо исказила боль, из груди вырвался тихий стон.

— Не паникуй, — Лэрас положил руку на плечо друга. — Вернёмся — я помещу её в капсулу. Полное сканирование, витамины, восстановление. — Он сделал паузу и добавил с лёгкой усмешкой: — Кто бы мог подумать, что ты, живой кошмар для арахнидов, станешь запечатлённым?

— Чушь не неси! — зашипел Нигс. — Запечатление бывает только с нашей расой! И то — при рождении! А она чужачка!

— А как объяснишь это? — Лэрас кивнул на хвост, который, отпустив руку солдата, медленно скользнул вниз и обвился вокруг ног девушки.

Хвост двигался сам. Мягко, почти нежно обвивал её щиколотки, гладил — успокаивающе, как испуганного котёнка.

Девушка выдохнула — и её лицо разгладилось. Она прильнула к груди Нигса теснее, губы шевельнулись, произнося что-то неслышное.

— Ты не контролируешь боевую форму рядом с ней, — констатировал Лэрас. — Хвост живёт своей жизнью.

— Не знаю... — выдохнул Нигс и крепче сжал девушку.

Разум молчал, не в силах понять. Только на периферии пульсировало: *«Никому не отдам. Моя»*.

— Смирись, — мягко сказал Лэрас. — Это впечатление.

Нигс застонал так, что команда тихонько засмеялась.

— Не накручивай себя, — продолжил доктор. — Запечатление ещё не значит, что ты станешь её партнёром. Это просто глубокая связь. Как между братом и сестрой. — Он сделал паузу. — А вот если ты начнёшь чувствовать её эмоции как свои... Если тебя будет накрывать от её запаха... — Доктор многозначительно поднял бровь. — Ну, сам понимаешь.

Нигс промолчал. Смотрел на девушку — на бледное лицо, на тёмные круги под глазами, на тонкие пальцы, вцепившиеся в его броню. Кровь дракона довольно урчала: *«Хорошая. Наша. Не отдадим»*.

— Я убью любого, кто посмеет заявить на неё права, — сказал Нигс тихо, почти шёпотом.

— Именно, — кивнул Лэрас. — К ней никто не подойдёт, зная, что ты её запечатлел. Что она — твоя семья. Твоя кровь. Твоя ответственность.

Шаттл пришвартовался к крейсеру. Нигс, всё так же неся девушку, шагнул в главный отсек.

Медицинский блок встретил стерильной белизной и тихим гулом приборов. Капсула уже ждала. Капитан осторожно положил её на мягкое ложе. Руки не хотели отпускать.

— Отойди, — мягко сказал Лэрас. — Дай мне работать.

Нигс отступил к стене, скрестил руки на груди. Зелёные огоньки зажигались один за другим. Лучи сканера пробежали по телу девушки.

Через минуту на экране высветились результаты.

Лэрас присвистнул:

— А жизнь у неё была нелёгкая.

— Что там? — Нигс шагнул ближе. Цифры были красными. Много красных цифр.

— Нехватка витаминов. Истощение организма — хроническое, не меньше года. Гормональный сбой. Повреждение желудка. Лёгкие загажены пылью. — Доктор повернулся к Нигсу. — Она себя не берегла. Вообще.

— Исправить можно?

— Конечно. — Лэрас открыл шкаф с ампулами. — Через несколько часов будет чувствовать себя лучше. Через пару дней — как новая.

— Спасибо, — тихо сказал Нигс.

— Не за что. — Доктор обернулась. — Она теперь твоя семья. А значит, и для меня — как дочь.

Нигс опустил на стул рядом с капсулой, положил голову на сложенные руки и закрыл глаза.

Проснулся от того, что Лэрас тряс его за плечо:

— Она просыпается.

Нигс мгновенно выпрямился.

Её глаза открылись. Серые, глубокие, как грозовое небо. Но в них уже не было страха — только пустота. Абсолютная,

ледяная, мёртвая.

Кровь дракона зашипела тревожно: *«Сделай что-нибудь. Верни ей свет»*.

Девушка села в капсуле, осмотрелась. Посмотрела на Нигса, на Лэраса, на мигающие огоньки.

— Где я? — спросила безжизненным голосом.

А потом начался разговор, который перевернул всё.

Она рассказала о Земле. О войне, убившей миллионы. О мужчинах, которые били и предавали. О женщинах, выживавших в одиночку. О сыне, которого любила больше жизни. О муже, которого отняли.

Рассказывала спокойно, ровно, будто не о своей жизни. Но Нигс видел — её пальцы впивались в край капсулы до белых костяшек. Видел, как глаза наполнялись влагой, но она не позволяла слезам пролиться. Она запретила себе плакать.

И это было хуже всего.

— На моей планете сейчас две тысячи двадцать четвёртый год, — сказала она. — В сорок первом прошлого столетия на нас обрушилась война. Погибло свыше двадцати пяти миллионов человек.

А потом она рассказала о муже и сыне.

— Пьяный урод врезался в них. Погибли мгновенно. Оставили меня одну.

И её голос сорвался.

Слёзы хлынули — настоящие, горькие, выворачивающие душу. Она зарыдала в голос, сжимаясь в комок.

И Кровь дракона в Нигсе закипела.

Ярость поднялась из глубин — горячая, как лава, неконтролируемая. Одно желание пульсировало в каждой клетке:
УБИТЬ ТОГО, КТО ЕЙ СДЕЛАЛ БОЛЬНО.

Нигс сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Хвост бился из стороны в сторону, готовый к атаке. Из горла рвался рык — глухой, животный.

— Тише, — сказал он хрипло. Опустился на колени перед капсулой, взял её холодные дрожащие пальцы в свои. — Тише, малышка.

Он вытащил её из капсулы, посадил к себе на колени, крепко обнял. Она подняла заплаканные глаза — красные, опухшие, полные боли.

— Больше никто тебя не обидит, — сказал он. Каждое слово было клятвой. — И одна ты не будешь. Я не позволю.

Она всхлипнула. Её пальцы слабо сжали его руку — первый жест, показавший, что она ещё жива.

— Теперь я — твоя семья, — закончил Нигс. — И я всегда буду рядом.

Он не знал, что ждёт их впереди. Не знал, сможет ли сдержать обещание. Но сейчас, глядя в её заплаканные глаза, чувствуя, как её пальцы сжимают его руку, он знал одно:

Драконья кровь выбрала её. А драконы не отдают своё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.